

Катунин Ю.А. МОНАСТЫРИ КРЫМА В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

В 1920 году в журнале «Революция и церковь» был опубликован отчет НКВД о работе по реализации декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В нем отмечалось, что у церкви с 1918 года было национализировано 7 150 млн. рублей. Крестьянам в пользование было передано 827 540 десятин монастырской земли. Государством было национализировано 84 монастырских завода, 704 гостиницы и подворья, 1112 доходных домов, 436 молочных ферм, 602 скотных двора, 311 пасек. В бывших монастырских помещениях было поселено 1 680 тысяч граждан России. На территории монастырей было создано 48 санаториев, 168 учреждений социального обеспечения, 349 больниц, 197 школ и других учреждений[1].

В большинстве публикаций, в которых рассматриваются вопросы ликвидации монастырей в 20-30 годы XX века, прослеживается тенденция одностороннего освещения проблемы, многие авторы пишут о давлении государства в отношении православной церкви. При этом не учитывается ряд факторов, позволяющих по-иному рассмотреть эти вопросы.

Во-первых, во внимание не берутся процессы, происходившие в эти годы в самой церкви.

Во-вторых, не рассматривается отношение верующих к вопросу ликвидации монастырей.

20-30 годы XX века - это время серьезных осложнений не только во взаимоотношениях православной церкви с государством, но это и время раскола, произошедшего в самой церкви. Политика жесткой конфронтации православной церкви с новой формирующейся системой советской власти привела не только к серьезным осложнениям между духовной и светской властью и отделению церкви от государства, но и к глубочайшему расколу в православии, появлению «обновленческого» движения.

«Обновленческое» движение достаточно сложное и противоречивое явление в истории Русской православной церкви. К сожалению, освещение этой проблемы страдает серьезной тенденциозностью. Многие исследователи, освещая этот период истории православия, дают отрицательную оценку как самому движению, так и лидерам «обновления». При этом ими лишь вскользь констатируется тот факт, что в это время большинство приходов православной церкви в России находилось под контролем лидеров этого движения.

«Обновленческое» движение окончательно оформилось в русском православии как направление, созданное духовенством и мирянами, протестующими против политики, проводимой официальным руководством церкви во главе с патриархом Тихоном и осложнявшей не только взаимоотношения с государством, но и приводившей к самоликвидации самой церкви в условиях формирующейся тоталитарной системы. Вполне естест-

венно, что не только движение «обновления», противопоставившее себя официальной церкви, но и его идеология были поддержаны определенными государственными органами. Советскому государству было выгодно иметь подконтрольную церковь, призывающую население к признанию новой власти. Ограничивая деятельность сторонников патриарха Тихона, советская власть достаточно лояльно относилась к представителям «обновленческого» движения. Это позволило «обновленцам» в течение короткого времени распространить свое влияние на огромное количество приходов православной церкви. К концу 1922 года «обновленческое» движение владело двумя третями всех православных приходов, что составляло около 20 тысяч храмов. После перехода сторонников патриарха Тихона на позиции лояльного отношения к советской власти, а также после начала серьезного раскола в «обновленческом» движении начался процесс возврата приходов представителям ортодоксального направления, возглавляемого патриархом. Следует отметить, что переход сторонников «обновления» в лоно ортодоксальной церкви был не столь бурным, как это пытаются показать некоторые церковные историки. В распоряжении «обновленцев» до начала 30-х годов насчитывались тысячи приходов. Так, в 1924 году им подчинялось более 14 тысяч приходов. На конец 1926 года 84 епархии «обновленческой» церкви владели 6245 приходами, в которых проводили службу 10 815 священников и диаконов[2].

29 апреля 1923 года, на проходившем в Москве в храме Христа Спасителя Поместном Соборе, лидеры «обновления», занимавшие в это время главенствующее положение в церкви, приняли ряд радикальных решений, существенно пересматривающих идеологию русского православия. Эти решения были приняты подавляющим большинством участников Собора и являлись обязательными для всей церкви.

Наибольшее единодушие было проявлено участниками собора при рассмотрении вопроса «О православной церкви, социальной революции, советской власти и патриархе Тихоне». Собор отменил анафему в адрес советской власти, исходившую от главы церкви – патриарха Тихона. Высший церковный орган принял решение о лишении его патриаршего и монашеского сана.

Наиболее радикальными решениями Собора являлись постановления о допущении в епископат белого духовенства, имеющего семьи, а также разрешение на «второбрачие» для священнослужителей[3].

При рассмотрении вопроса о вскрытии мошей Собор осудил церковную фальсификацию об их нетленности и предложил оставить их в открытом состоянии[4].

Собор принял ряд других важных решений, а именно: признал автокефалию Украинской православной церкви; отлучил от церкви участников

Карловацкого собора; принял решение о переходе русской православной церкви с 12 июня 1923 года на новый стиль и т.д.[5].

Однако наиболее радикальным было решение о закрытии монастырей в городах и преобразовании монастырских обителей, расположенных на значительном удалении от населенных пунктов, в трудовые общины[6].

Чем можно объяснить столь негативное отношение значительного числа высших церковных деятелей к важнейшему элементу православия – институту монашества?

Все духовенство в православии делится на «белое» и «черное». К «черному» относятся верующие и священнослужители, принявшие монашеский постриг, элементом которого является обет безбрачия. Наряду с этим в православии допускается возможность для священников иметь семью. Они относятся к категории «белого» духовенства.

В канонах раннего христианства нет требований о том, что для назначения на должность епископа обязательно требуется монашеский постриг. Более того, некоторые каноны объявляли несовместимыми епископское и монашеское служение. Однако, начиная с VIII века, как в Западной, так и в Восточной церквях при назначении на высшие церковные должности стали отдавать предпочтение монахам. Это практически сводило к нулю любые попытки представителей «белого» духовенства достичь определенных успехов в иерархической структуре православия. Благочинный округа – это была наивысшая должность, которую мог занять представитель «белого» духовенства в русском православии. Данный подход, ограничивающий в продвижении по службе подавляющее большинство служителей церкви, порождал внутренние противоречия в самой системе христианства, что неизбежно должно было привести не только к появлению недовольства существующим положением дел, но и к формированию неких оппозиционных течений.

Следует отметить, что среда «белого» духовенства в русском православии формировалась, в основном, за счет детей священников. Невозможность дальнейшего продвижения по служебной лестнице без принятия монашеского сана делала все усилия молодого человека малоперспективными. Уже в духовной семинарии начинал формироваться тип священника, обреченного на служение в храме без возможности удовлетворения своих честолюбивых потребностей в служебном росте. Д.В. Поспеловский отмечает, что «в школах, готовящих пастырей для народа, атеизм, нигилизм и радикализм были делом совершенно обычным. Из 2148 выпускников семинарий 1911 г. рукоположены к 1913 г. были лишь 574»[7].

Монашеский постриг давал священнику шанс достичь определенных церковных высот. Но это было возможно лишь для представителей «ученого монашества» – выпускников духовных академий. Г. Флоровский в своей работе «Пути русского богословия» подверг серьезной критике стремление некоторых «академиков» принять монаше-

МОНАСТЫРИ КРЫМА В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

ский обет лишь для достижения карьеристских целей. Он писал о том, что принятие пострига с целью получения епископской должности было поступком безнравственным, «ученое монашество» не имело ничего общего с монашеством монастырским – и конфликт между ними временами достигал трагической остроты»[8].

Зависимость церкви от «черного» духовенства обрекала белое духовенство на то, «чтобы всю жизнь оставаться в тени и подчинении у епископата, – у епископата, известная часть которого вызвала весьма серьезные сомнения, если говорить о нравственных качествах и подлинном благочестии»[9].

Рассматривая влияние «черного» духовенства на жизни церкви, многие иерархи православия отмечали, что очень часто монастыри становились убежищем для многоженцев, преступников и людей, не желающих выполнять обязательные государственные повинности, в том числе и связанные со службой в армии. Особенно активно число монахов возрастало с началом военных действий. Очень часто в монастырь на перевоспитание ссылались многие нарушители нравственности. Однако эффект от подобного рода практики был достаточно негативным. Во многих монастырях формировался дух вражды, групповщины, очень часто братия страдала такими пороками как леность, пьянство и т.д. К сожалению, эти пороки имели место и в большинстве крымских монастырей. В 1899 году по представлению руководства Таврической епархии Святейший Синод был вынужден ликвидировать две мужские обители – Косьмодамиановскую и Катерлезскую киновии, а вместо них создать одноименные женские обители.

В православии часто наблюдался конфликт внутри «черного» духовенства, между представителями «ученого монашества», составлявшего высшую духовную и иерархическую касту, и монахами-«практиками». Иллюстрацией этого может быть конфликт между Севастопольским епископом Вениамином, который до своего рукоположения являлся ректором Таврической духовной семинарии, с одной стороны, и монахами Инкерманской киновии – с другой. Негативное отношение монахов этого монастыря к иерею-монаху, имевшему высшее духовное образование, привело к тому, что после учреждения Южно-Крымского управления «обновленческого» управления община монастыря приняла решение о переходе под юрисдикцию этой церкви, несмотря на то, что в основе учения «обновления» лежал принцип отрицания монашества.

В 1905 году было опубликовано обращение «Группы 32-х Санкт-Петербургских священников» к члену Святейшего Синода митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладозскому Антонию, в котором впервые священнослужители высказали ряд радикальных предложений, впоследствии реализованных движением «обновления». В обращении «группа 32-х» отмечала, что монашеский епископат противоречит не только церковным канонам, но и «самому характеру монашеского служения – созерцанию, молчанию, послушанию, ибо

епископ должен начальствовать, проповедовать и наставлять»[10].

Весной 1923 года Поместный Собор своим решением узаконил требования значительной части священно- и церковнослужителей об ограничении влияния монастырей и монашества на жизнь церкви.

Таким образом, мы видим, что идея закрытия монастырей или превращения их в трудовые коммуны принадлежит не только государству, но и самой церкви. В настоящее время это выглядит парадоксально, но в 20-30-е годы XX века государство фактически лишь реализовало на практике решения высшего церковного органа. В данном случае интересы церкви и государства совпадали в силу ряда причин. Для «обновленческого» руководства церкви это было выгодно, потому что позволяло ему на законных основаниях, без прохождения монашеского пострига, занять высшие церковные должности. Государству же данные решения церкви позволили более активно реализовать вопрос национализации монастырской собственности. Поэтому утверждения об одностороннем характере деятельности государства по закрытию монастырей в 20-30 годы не соответствуют действительности. Более того, анализ архивных документов, посвященных деятельности монастырей Крыма, позволяет говорить о том, что при принятии решений о ликвидации монастырской собственности и закрытии храмов, действующих на территории обители, органы власти вынуждены были анализировать отношение верующего населения к вопросу ликвидации монастырей и киновий.

На основании анализа архивных документов, хранящихся в Государственном архиве автономной республики Крым, можно утверждать о том, что с 1922 по 1925 годы православные верующие Крыма достаточно активно отстаивали перед государственными органами власти церковную собственность, препятствовали закрытию храмов, действовавших на территории монастырей.

Начиная же с 1925 года активность религиозного общественного мнения снижается. Объяснить это можно рядом факторов, в том числе и развернувшейся в это время пропагандистской атеистической кампанией. Это позволило органам советской власти значительно активизировать процесс закрытия монастырей.

Реализуя на территории Крыма в первые месяцы после освобождения полуострова от войск Врангеля ряд декретов центральных органов власти, в том числе декреты «О земле» и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», КрымЦИК принял решение о национализации церковной и монастырской собственности. Монашеские общины стали реорганизовываться в трудовые артели, которые отныне не являлись владельцами собственности, а обязаны были брать ее в пользование на договорных условиях у местных органов государственной власти. Так, на базе Балаклавского монастыря был создан совхоз «Георгиевский монастырь». Монахи были зачислены в состав рабочих совхоза на должности дворников,

скотников, сторожей и т.д.[11].

На базе Бахчисарайского Успенского скита была создана трудовая колония им. Артема Народного комиссариата социального обеспечения. К моменту прихода красной армии многие монахи и послушники, активно сотрудничавшие с белым движением, покинули обитель. На территории скита осталось лишь несколько монахов. Поэтому монастырское имущество было передано не монашеской общине, а комиссариату социального обеспечения. Закрытие одного из наиболее почитаемых монастырей – Успенского скита в первые месяцы после установления Советской власти можно считать политическим шагом руководства Крыма в отношении обители, принимавшей участие в военных событиях гражданской войны.

Такой же шаг был предпринят властями Крыма в отношении Катерлезской киновии. Это объяснимо тем, что монастырь находился в непосредственной близости от города, в котором руководство занимало жесткие позиции в отношении верующих и церкви. Руководство Керченского ревкома принимало многие решения, не согласовывая их с руководством Крыма.

20 февраля 1921 года Керченский уездный революционный совет принял решение о ликвидации монастыря и о создании на его территории трудовой колонии. Монашкам предлагалось для трудоустройства обратиться в городской отдел труда. Желающие сохранить монашеский постриг по рекомендации руководства ревкома могли переселиться в Косьмодамиановский женский монастырь. Желающие заниматься трудом без отправления религиозного культа оставались на территории обители. Это стало возможно благодаря вмешательству Админоргуправления НКВД Крыма, направившего в Керчь уведомление, в котором подтверждалось право монашек, отказавшихся от пострига, остаться на территории обители[12].

К концу февраля на территории монастыря проживали бывшие монашки М. Ключникова, М. Карихина, М. Лебединская, В. Горбенко, А. Шевченко и Е. Чернышова, давшие подписку начальнику Керченской окружной милиции в том, что они порвали с монастырем с момента его закрытия и отказались от монастырского послушания. Оставшиеся монашки ухаживали за животными, виноградником и садом.

На территории монастыря был устроен детский дом. Церковь была передана в распоряжение верующего православного населения г. Керчи. Ревком Керчи ликвидировал подворье монастыря – Введенскую церковь, находившуюся в городе.

20 июня 1923 года в монастырь прибыла комиссия из Керченского Окружного исполнительного комитета, которая составила опись движимого и недвижимого имущества и на основании инструкции НКВД Крыма приняла решение о закрытии церкви, как действующей на территории детского заведения. В опись было включено 113 наименований предметов. 30 из них были изготовлены из серебра[13].

В августе 1923 года в КрымЦИК с заявлением

обратилось 438 жителей поселка Катерлез, которые ходатайствовали о передаче в пользование монастырского храма. Жители поселка мотивировали эту просьбу тем, что в 50-е годы XIX века церковь была построена за счет средств верующих и в дальнейшем содержалась за счет прихожан. Уже после ликвидации монастыря церковь была отремонтирована за счет верующих, проживающих в поселке Катерлез. В заявлении было указано, что ближайшая церковь находится в 5 километрах от поселка, не имеющего хороших дорог, которые в осенне-зимний период раскисали, и это делало невозможным посещение церквей, расположенных в городе.

К прошению жителей поселка было подшито сопроводительное письмо, подписанное заместителем наркома внутренних дел Крыма Османом Дивеевым и замначальника Админоргуправления НКВД Седых, в котором говорилось о нецелесообразности открытия церкви, расположенной на территории детского дома и предлагалось утвердить решение ликвидационной комиссии. Это письмо сыграло важную роль, КрымЦИК отказал верующим в открытии храма, что вызвало недовольство населения поселка.

В феврале 1924 года были национализированы все финансовые бумаги монастыря на общую сумму 24 100 рублей.

Для того, чтобы окончательно решить вопрос о пустующей церкви, не согласовав свое решение с Центральным Административным управлением Крыма, ведавшим вопросами ликвидации монастырей и храмов, Президиум Керченского райисполкома в мае 1924 года принимает решение о закрытии детского дома и ликвидации церкви. На заседании исполкома было принято постановление «Об использовании строительных материалов с построек бывшего Катерлезского монастыря», в котором говорилось о том, что бывший монастырь в поселке Катерлез со всеми постройками передавался Местхозу города для использования разобранных материалов при постройке школ и других учреждений [14].

Решение о разборке зданий монастыря и церкви было сразу же выполнено. Церковь и все постройки монастыря были ликвидированы до основания.

На территории Кизилташского, Косьмодамиановского и Топловского монастырей из числа монахов и монашек были созданы трудовые артели [15].

Монашеские общины Крыма, преобразованные в трудовые артели, активно включились в экономическую деятельность. Однако серьезных успехов удалось добиться лишь в женских обителях – Параскеевской и Косьмодамиановской трудовых общинах. Мужские монастыри приходили в запустение.

Начиная с 1923 года государственные органы власти Крыма при решении вопросов о ликвидации монашеских общин начинают использовать рычаги экономического давления: устанавливать повышенные налоги, организовывать проверки состояния экономической деятельности и т.д. Это

сказалось на деятельности большинства монастырей. Рассмотрим это на примере деятельности трудовой общины монахов Кизилташского монастыря.

В конце 1920 - начале 1921 года на территории монастыря проживал 51 человек во главе с 64-летним настоятелем архимандритом Мелхисидиком, в том числе: 10 иеромонахов, 9 иеродиаконов, 14 монахов, 2 схимонаха, 10 послушников и несколько человек гражданской прислуги.

8 апреля 1921 года в комиссию по отделению церкви от государства при Феодосийском Ревкоме обратились 35 членов Кизилташской трудовой артели с заявлением о бесплатной передаче в их пользование для организации богослужений имущества Успенской и Серафимовской церквей, расположенных на территории монастыря. Община поручала от своего имени заключить договор с органами власти иеромонаху Макарию Константиновичу Кобецу.

24 апреля 1921 года в монастырь прибыла комиссия Феодосийского уездного бюро юстиции, которая проверила наличие имущества. В акте сверки указывалось, что все имущество имеется в наличии, а его описи составлены правильно. Все имущество было взято на баланс Феодосийского уездного земотдела.

7 мая 1921 года Феодосийский уездный ревком заключил договор с Кизилташской общиной о передаче в ее пользование двух церквей, расположенных на территории монастыря.

2 августа 1921 года в Феодосии состоялось совещание комиссии представителей земотдела, Наробраза и других органов местной власти. На совещании был приглашен настоятель монастыря архимандрит Мельхисидик.

На заседании комиссии решался вопрос о создании на территории киновии детской трудовой колонии. Выступивший на совещании представитель Наробраза Н. Хамзин отметил, что, принимая в свое ведение часть монастырского имущества для устройства колонии для несовершеннолетних в возрасте от 6 до 10 лет, Наробраз совершенно не предполагает вносить какие-либо изменения в монастырскую жизнь, напротив, он считал, что монастырскую братию необходимо активно привлекать для работы с детьми. Монахам предлагалось руководить сельхозработами детской колонии в должности мастеров, за что им планировалось выплачивать жалование. С данными предложениями настоятель монастыря Мельхисидик согласился.

При создании колонии была составлена подробная опись движимого и недвижимого имущества монастыря, из которой видно, что в 1921 году община владела 227 десятинами и 971 саженью земли. Из них: 5 десятин были заняты садом, 3 – виноградником, 1 десятина – огородом, 3 десятины составляла пахотная земля. Сенокос и постройки занимали 13 десятин. Лесные угодья – 177 десятин и 661 сажень. Непригодной для обработки земли было 25 десятин и 310 сажень [16].

На территории монастыря было построено 2 каменные церкви, 2 двухэтажных и 5 одноэтажных каменных домов, в которых насчитывалось 50

жилых комнат, а также 20 хозяйственных и подсобных помещений. Общине принадлежали 7 коров, 3 вола, 3 лошади, 20 кур и 27 пчелиных ульев, а также более 500 обиходных вещей и инвентаря[17].

Комиссия отметила, что все документы и денежные средства у монастыря были изъяты в ходе нападения в 1920 году. В городе Феодосии на ул. Институтской находилось подворье монастыря, состоящее из каменного одноэтажного дома длиной 11 и шириной 4 сажени. Общая площадь подворья составляла 232 кв. сажени, огражденных каменной стеной с железными въездными воротами.

В мае 1922 года для нужд Помгола из монастыря было изъято 5 серебряных предметов общим весом 12 фунтов 72 золотника.

В марте 1923 года Феодосийский Окрисполком разработал «обязательство», которое должны были подписать все монахи, проживающие на территории округа. В документе говорилось: «1. С настоящего дня обязуюсь прекратить всякую богослужбную деятельность, носящую характер профессии или промысла.

2. С указанного момента отказываюсь от священнослужительной деятельности. Я обязуюсь заниматься общепользным трудом наравне с прочими гражданами РСФСР, со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями гражданина.

3. В случае нарушения настоящего обязательства я подлежу привлечению к законной ответственности, предусмотренной законами РСФСР»[18].

Земотделу поручалось в срок до 1 июля 1923 года принять на баланс все земельные угодья, жилой фонд и надворные постройки, ранее принадлежавшие Кизилташскому монастырю. Принятое на баланс имущество можно было передать по договору трудовой общине. В это же время в монастыре были закрыты и опечатаны все церкви.

1 июля 1923 года комиссия в составе первого заместителя заведующего окрземотделом И.А. Катсу и членов комиссии М.В. Косоротова и П.А. Зегбарта произвела детальный осмотр построек и инвентаря и установила, что в части помещений монастыря помещается детская колония, в распоряжение которой были переданы 1 десятина виноградника, 2 десятины сада, 2 десятины пахотной земли и ½ десятины огорода. Комиссия установила, что остальная земля, закрепленная за общиной, эксплуатируется крайне неудовлетворительно. Фруктовый сад был практически уничтожен гусеницами, перекопка земли не была произведена. Постройки монастыря находились в полуразрушенном состоянии и не ремонтировались. В жилых постройках были выбиты все стекла. Комиссия пришла к заключению, что имущество общины необходимо передать в пользование другой организации[19].

23 августа 1923 года уполномоченные от верующих селений Коктебель, Кишлав, Отузы, Изюмовка и Карагоз обратились с просьбой отдать им в арендное пользование церкви Кизилташского монастыря. В просьбе им было отказано, так как на территории монастыря была расположена дет-

ская трудовая колония, помещения которой были расположены на расстоянии 5 – максимум 10 сажень от церквей. В отказе подчеркивалось, что верующие неправильно указали расстояние от своих деревень до храмов Кизилташа. Расстояние было значительно занижено. По мнению руководства Крыма, столь большие расстояния от храмов до их поселений не позволяли бы верующим посещать церкви монастыря регулярно.

В сентябре 1923 года группа жителей деревни Отузы и Старого Крыма вновь обратились в органы советской власти с просьбой о передаче в их пользование монастырских храмов. Ответ вновь был отрицательным. 5 октября 1923 года Президиум КрымЦИК согласился с заключением НКВД Крыма о необходимости ликвидации Кизилташского монастыря.

В 1924 году монахи стали покидать территорию кинонии. Решением ЦИК Крыма на территории монастыря вместо детской колонии создавалась трудовая колония им. Калинина Народного комиссариата социального обеспечения.

С октября 1923 по апрель 1925 года в органы власти более не поступают заявления от жителей близлежащих сел о передаче в их пользование храмов монастыря. Это явилось основанием для окончательного закрытия органами советской власти храмов этой обители. В апреле 1925 года по просьбе верующих деревень Кабурчак и Ново-Васильевка Карасубазарского района им были переданы колокола монастырских церквей.

22 декабря 1926 года Президиум Крым ЦИК принимает окончательное решение о ликвидации Успенской и Серафимовской церквей Кизилташского монастыря.

Созданная вместо трудовой общины монахов трудовая колония им. Калинина действовала крайне неэффективно. Для нее были характерны те же недостатки, которые существовали и в монастыре, – сложные взаимоотношения между населявшими колонию жильцами, небрежное отношение к труду и т.д. Крайне неудовлетворительная работа колонии вынудила органы власти ее ликвидировать.

Экономически неэффективной была деятельность еще одной мужской обители Крыма – Балаклавского Георгиевского монастыря.

Сразу же после окончания гражданской войны в Крыму была проведена национализация всей движимой и недвижимой собственности. Все земли и движимая собственность Балаклавского Георгиевского монастыря были также национализированы, а на его базе был создан совхоз с одноименным названием «Георгиевский монастырь». В состав трудовой общины входили как монахи, так и местное гражданское население. Руководящую роль в хозяйстве заняли назначенные государством жители ближайших поселений. Контора совхоза находилась в одном из помещений монастыря. Монахи выполняли в совхозе разнообразные функции – дворников, плотников, скотников, сторожей и т.д.

Окончательно вопрос о национализации собственности в Крыму был утвержден 13 июля 1922 года декретом ВЦИК и Совета Народных Комис-

саров. Декрет был опубликован в 48 номере собрания Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, издаваемого Народным комиссариатом юстиции. В декрете говорилось: « 601. Об утверждении списка национализированных курортов Крыма и обслуживающих их хозяйств ВЦИК и СНК постановляет:

1. Утвердить списки национализированных курортов Крыма и обслуживающих их хозяйств, составленных Межведомственной комиссией с поправками Крымского Совета Народных Комиссаров.

2. Предложить Совету Народного хозяйства Крымской Социалистической Советской Республики подтвердить действие настоящего постановления на территории Крымской республики.

Подписи: М. Калинин, А. Цюрупа, А. Енукидзе»[20].

В перечне национализированных хозяйств Балаклавского района отдельной строкой значилось «Советское хозяйство «Георгиевский монастырь» с гостиницей и хозяйственными постройками».

На территории хозяйства продолжали действовать православные храмы, в которых ежедневно проводилась служба.

Однако практически в первые же дни своего существования вся деятельность монастыря была парализована органами власти г. Севастополя из-за инцидента, произошедшего в процессе изъятия драгоценностей из церквей монастыря в 1922 году.

28 марта 1922 года в монастырь для изъятия церковных ценностей прибыла комиссия в составе председателя А. Банк и членов комиссии Соболева, Чибисова и Коваленко. При изъятии ценностей в состав комиссии был включен настоятель монастыря иеромонах Ипполит. Комиссия провела обследование всех помещений монастыря и организовала изъятие ценностей в фонд голодающих. Из монастыря было изъято 130 предметов религиозного культа, изготовленных из золота и серебра[21].

В дальнейшем при сопоставлении описей имущества выяснилось, что значительную часть драгоценных вещей настоятель Ипполит укрывал. В феврале 1923 года все сокрытые вещи были изъяты ГПУ, а иеромонах Ипполит был арестован. Из монастыря им было похищено более 30 вещей, в том числе: серебряное блюдо 1792 года изготовления, десять серебряных лампад, серебряное кадило 1785 года, серебряные, позолоченные чаши, висячие серебряные подвески, серебряные напестольные кресты, серебряная ручка к архиерейскому посоху, 3 позолоченных диска, 6 серебряных тарелок, серебряная дарохранительница и т.д.[22].

В связи с сокрытием средств бывшим настоятелем в 1923 году завязалась секретная переписка, связанная с закрытием монастыря. В феврале 1923 года начальник секретной части Севастопольского окротдела КПУ Антонов направил председателю Севастопольского Округного исполкома Прокофьеву докладную записку, в которой он рекомендовал исполкому не торопиться с принятием решения о закрытии Балаклавского монастыря. Он

отмечал, что вопрос о закрытии монастыря необходимо отложить на несколько недель, до подготовки слушания дел в суде. По его мнению, судебное разбирательство нужно было использовать для формирования соответствующего общественного мнения и проведения работы по изучению настроений верующих и дискредитации монахов и священников монастыря[23].

19 марта 1923 года Президиум Севастопольского Окрисполкома принял следующее решение: «В Георгиевском монастыре храмы и кельи, как исторические постройки передать Охрису». На основании этого решения здания церквей были опечатаны.

В апреле 1923 года совхоз «Георгиевский монастырь» со всем имуществом из ведения Наркомзема был передан управлению курортов.

В мае 1923 года была составлена картотека на колокола монастыря. В храме их оказалось на момент переписи 6, самый большой из них весил 113 пудов 26 фунтов. Часть небольших колоколов в мае 1923 года матросы воинской части, расположенной у монастыря, самовольно перенесли на территорию части.

В июле 1923 года окружной комитет комсомола Севастополя внес предложение в Севастопольский Окрисполком о передаче им помещений опечатанных и пустующих церквей для создания клуба. В записке отмечалось, что в монастыре проводятся отпуск 250 слушателей московского рабфака им. М. Н. Покровского. Рабфаковцы взяли шефство над жителями деревни Карань и красноармейцами 9 и 7 батарей. Недостатком этой работы, по мнению комсомольцев города, было то, что у них отсутствовало помещение. Они предложили передать в их распоряжение здание одной из пустующих церквей[24].

2 января 1924 года в Севастополе состоялось выездное заседание Главсуда Крыма, рассмотревшее дело Ипполита Андрощука, который был признан виновным в хищении имущества. Все сокрытые ценности были изъяты в доход государства[25].

Летом 1925 года руководство совхоза потребовало от Севастопольского исполкома, разрешившего монахам находиться на территории бывшего монастыря, их выселения. В докладной записке отмечалось, что проживавшие с разрешения исполкома в бывших монастырских домах Георгиевского монастыря монахи наносят постройкам вред, разбирая для своих целей деревянные конструкции, а также захламляют монастырское подворье. Руководство хозяйства потребовало выселить монахов за пределы совхоза.

Закрывать ризницу и выселить монахов также потребовало управление курортов, которое планировало провести ремонт помещений для открытия на его базе «Второго крестьянского санатория».

Наряду с курортным управлением, на помещения монастыря стали претендовать другие организации – объединение музеев, исследовательские институты, военные и общественные организации. Их предложения породили продолжительную бюрократическую переписку, завязавшуюся

между Севастополем и Симферополем, которая отвлекла внимание властей от самого монастыря и позволила проживать на его территории 12 монахам. В 1926 году на жительство в монастырь прибыл еще один иеромонах М. Емец.

В сентябре 1926 года инспектор Севастопольского отделения Госфонда Н.В. Киндяков взял на государственный учет имущество бывшего Георгиевского монастыря. Общая его стоимость составила 2 846 рублей 79 копеек. Имущество было оставлено в помещениях монастыря, которые были опечатаны Севастопольским горрайисполкомом.

Во время землетрясения 1927 года особенно сильно пострадала церковь Георгия Победоносца, состоявшая на учете в музейном объединении. На ее восстановление требовалось более 13 тысяч рублей. Музейное объединение отказалось от ее дальнейшего использования[26].

28 апреля 1930 года Президиум Севастопольского Райисполкома принял решение о ее сносе. За годы советской власти в руины были превращены все оставшиеся здания монастыря, в течение столетий действовавшего на мысе Фиолент.

Совершенно иной была ситуация в отношении трудовых артелей, созданных на территории женских монастырей.

29 апреля 1923 года на заседании Междуместной комиссии по ликвидации церковного имущества было принято решение о закрытии двух монастырей: Кизилташского мужского и Топловского женского. И если решение о ликвидации мужского монастыря было реализовано, то в отношении женской общины оно было отменено после проверки, проведенной в монастыре.

В 1921 году Топловский монастырь владел 823 десятинами земли. Из них 490 десятин находилось в непосредственной близости от монастыря и 333 - на хуторе Параскеевка Перекопского уезда Тотонайской волости.

Во второй половине 1922 года собственность, принадлежавшая монастырю, перешла в ведение Симферопольского Окрземотдела. 21 ноября 1922 года Топловская трудовая община заключила договор с Окрземотделом и взяла в аренду на 5 лет постройки, землю и сады. На начало декабря 1922 года в кассе монастыря для богослужебных целей хранилось 26 970 000 рублей[27].

23 апреля 1923 года состоялось заседание Крымской межведомственной комиссии по ликвидации церковного имущества. Комиссия поручила Земотделу в срок до 1 июня 1923 года «немедленно приступить к приему всех земельных угодий, живого и мертвого инвентаря, жилых и надворных строений, относящихся к сельскому хозяйству, ранее принадлежащих Топловскому монастырю»[28].

5 октября 1923 года состоялось заседание Президиума Крым ЦИК, на котором был заслушан вопрос о ликвидации Косьмодамиановского, Кизилташского и Топловского монастырей. Было принято решение об их упразднении и преобразовании под трудовые колонии.

Нарком внутренних дел Крыма Ануфриев поручил реализацию вопроса о ликвидации Топлов-

ского и Кизилташского монастырей Феодосийскому Окрисполкому. Однако уже 19 октября 1923 года КрымЦИК отменяет свое решение о ликвидации Топловского монастыря и передает имущество и угодья трудовой артели.

Особую роль в решении вопроса в пользу монастыря сыграл доклад техника-инструктора Госземимущества Крыма В.Н. Лукьянчикова, обследовавшего хозяйственную деятельность монастыря. Техник-инструктор сделал следующее заключение: «Бывшее владение Топловского монастыря, находящееся в арендном пользовании общины монастыря, заключается главным образом в садовых хозяйствах и строениях.

Сад общей площадью 30 десятин состоит из трех участков, из которых наиболее ценными по своему местоположению в долине реки Мокрый Индол является главным образом сад, занимающий площадь 27 десятин. Этот сад состоит преимущественно из фруктовых насаждений поздних французских сортов и по возрастам деревьев находится в самом начале плодоношения. В смысле обработки бывший сад монастыря может смело занять одно из первых мест среди садов Крыма. Община, арендовавшая сад, не считаясь с особенностями плодоношения, производит полную ежегодную обработку всему саду, чего не достигает большинство арендаторов других садов, производя некоторую обработку только той части, которая обещает быть с урожаем. Благодаря ежегодной и полной обработке молодые насаждения быстро и правильно развиваются, плодоносящие деревья имеют здоровый вид и могучую крону.

Строительные сооружения находятся в должном порядке и вполне обеспечивают сад водой. Все многочисленные постройки монастыря находятся в отличном состоянии и ни одна из них не требует даже очередного ремонта. Все прочее имущество, находящееся в арендном пользовании общины, в хорошем состоянии и аккуратно сохраняется.

Вообще имение, являясь ценным Государственным имуществом, при той высокой культурной работе общины может справедливо считаться одним из наиболее показательных хозяйств, и надо отдать должную справедливость общине за ее внимательное, бережное отношение к вверенному ей Государственному имуществу»[29].

В начале 1924 года угроза закрытия вновь нависла над монастырем. В январе 1924 года Народный Комиссариат социального обеспечения Крыма направил в Крым ЦИК и Совнарком письмо, в котором обратил внимание на то, что «в последнее время по городам Крыма наблюдается приток нищих и попрошайек. Большинство из них – элемент, прибывший из севера, но есть и крымчаки, которых необходимо изолировать и тем самым очистить города от них.

НКСО ведет борьбу с этим злом, но, к сожалению, в колониях мест нет, тем более, что Косьмодамиановский монастырь передан заповеднику, а посему, необходимо прийти на помощь ему в отводе Топловского монастыря... где можно разместить до 300 человек указанного элемента»[30].

Поводом для ликвидации монастыря послужил тот факт, что после отмены решения КрымЦИК о ликвидации монашеской обители трудовая артель, действовавшая на его территории, нигде не зарегистрировала своего нового Устава, и, по мнению властей, она существовала нелегально.

Весной 1924 года Устав сельскохозяйственной Топловской трудовой общины был представлен в органы власти. Это был подробный юридический документ, состоящий из 40 параграфов и регламентирующий все стороны ее жизнедеятельности. Однако механизм давления в отношении общины был уже запущен, и ее участь была предрешена. Быстрому закрытию общины препятствовала активное содействие населения, поддерживавшего ее духовную деятельность.

26 декабря 1924 года Президиум Крым ЦИК принял решение о ликвидации храмов, расположенных на территории общины. 10 марта 1925 года представитель Феодосийского райисполкома опечатал храмы монастыря и объявил верующим об их закрытии. Это вызвало серьезное недовольство не только монашек, но и жителей близлежащих к монастырю деревень Топлы, Орталан, Еленовки и Бахчи-Эли. Более 50 жителей этих деревень направили в КрымЦИК заявление с просьбой о передаче им в бесплатное пользование храмов, расположенных на территории бывшего монастыря. Однако руководство Крыма не сочло возможным удовлетворить просьбу жителей этих деревень, посчитав, что они могут посещать православные храмы, расположенные в деревнях Кишлак и Орталан. Это решение только лишь обострило ситуацию. Для окончательного решения вопроса о закрытии монастырских храмов была создана комиссия в составе руководителя церковного стола Трошина, представителя народного образования Берковского, представителя музея Василевского, которая 25 июля 1925 года осмотрела помещения и вынесла следующие рекомендации.

Бывший армянский храм, расположенный в полуверсте от монастыря на шоссе Симферополь-Феодосия, не являвшийся местом постоянного богослужения, передавался в распоряжение музею. Домашние церкви было рекомендовано превратить в культурно-просветительные учреждения: школу, курсы, детский сад и т.д. Учитывая, что невдалеке располагался прекрасный фруктовый сад, комиссия рекомендовала создать на базе этого помещения 2-х годичную сельскохозяйственную школу по садоводству, в которой ежегодно могло обучаться до 60 человек.

Комиссия не сочла возможным ликвидировать церковь во имя Параскевы по ряду причин. Во-первых, это культовое здание всегда использовалось только для религиозных целей, и его переоборудование неминуемо должно было вызвать протест населения.

Во-вторых, действия руководства Крыма, не посчитавшегося с мнением местных жителей и принявшего решение о ликвидации всех монастырских храмов, также могли породить серьезные трения с населением в случае ликвидации всех культовых зданий.

Комиссия рекомендовала КрымЦИК «церковь либо оставить опечатанной до момента прояснения общерелигиозной отсталости местного населения, либо передать ее верующим крестьянам близлежащих деревень»[31].

27 июля 1925 года 25 жителей деревень Топлы, Орталан, Бахчи-Эли и трудовой сельскохозяйственной артели Салынского сельсовета обратились с заявлением, в котором просили передать в бессрочное и бесплатное пользование православный храм во имя Параскевы, находящийся на территории Топловской сельхозартели. Через четыре дня руководство района было вынуждено положительно решить вопрос о передаче церкви верующим. 29 июля представитель Феодосийского райисполкома В.П. Топерверх заключил с группой верующих договор о передаче в их распоряжение церкви святой Параскевы.

В течение 1925-1926 годов в храме ежедневно совершалась служба, на которой наряду с представительницами «трудовой артели» присутствовали жители близлежащих сел.

В 1927 году Топловская сельхозартель стала называться артелью «Женский труд».

В этом же году церковная община в лице представителя группы верующих А. Сытникова и священника Ю. Литвиненко была уведомлена о том, что в случае «чествования в публичных богослужениях лиц, осужденных за тяжкие государственные преступления, в частности бывшего епископа Крымского Никодима, они будут нести ответственность по суду»[32].

23 февраля 1928 года в монастырь прибыла комиссия в составе 4-х человек, которая обследовала деятельность общины «Женский труд» и пришла к следующим выводам:

1. Хозяйственное состояние артели удовлетворительное. Основа хозяйственной деятельности – садоводство. В 1927 году через государственную кооперацию было реализовано фруктов на сумму 32000 рублей.

2. Артель состоит из 244 монахинь и послушниц бывшего Топловского монастыря.

3. Во внутренней жизни артели сохранился прежний монастырский уклад и традиции. В правлении артели выдвинуты лица, имеющие право голоса, но руководят артелью по-прежнему монахини.

4. В артели отсутствует политико-воспитательная работа. Изба-читальня существует в артели номинально.

5. Исходя из того, что в экономическом отношении артель является образцовым хозяйством, считается возможным сохранить артель по уставу сельхозколлективов.

6. Для постепенного устранения из жизни общины монастырского уклада комиссия рекомендовала:

а) усилить внутри артели кооперативно-воспитательную работу, «поднять значение общинных собраний и поставить деятельность правления под их контроль»;

б) включить избу-читальню в твердую сеть и обеспечить ее опытным работником;

в) закрыть церковь, расположенную во дворе артели как домовую:

г) пересмотреть список восстановленных в избирательных правах на предмет лишения права голоса тех из старых монахинь, которые являются самой консервативной частью артели[33].

20 мая 1928 года заведующий административных органов КрымЦИК секретным уведомлением поручил руководителю Наркомзема Крыма Поляху начать подготовку вопроса о ликвидации сельхозартели «Женский труд».

В июне 1928 года на заседании КрымЦИК было рассмотрено заключение руководителя стола религиозных культов Б. Тавровского, в котором говорилось о том, что «нахождение функционирующей церкви в бывшем Топловском монастыре отражается самым пагубным образом на быте и деятельности Топловской сельхозартели... церковь Святой Параскевы, находящаяся на территории артели, необходимо закрыть». КрымЦИК согласился с данным заключением.

7 сентября 1928 года Президиум ЦИК Крымской АССР рассмотрел на своем заседании вопрос «О ликвидации Топловской сельхозобщины «Женский труд» и принял следующее решение:

1. Сельхозартель «Женский труд» при бывшем Топловском монастыре, несмотря на целый ряд мер как со стороны местных, так и центральных органов, направленных к устранению имеющихся у нее организационных недостатков и к оздоровлению внутреннего ее состояния, остается по существу религиозной общиной.

2. Уклад всей жизни артели строится по монастырскому уставу, выражающемуся в подразделении членов артели на разряды (высшие монашеские и послушниц), в предоставлении разного рода привилегий вышестоящим по сравнению с нижестоящими, в бездеятельности общих собраний членов и отсутствии руководства со стороны органов управления.

3. Фактическое руководство артели целиком находится в руках лиц, возглавлявших ранее монастырь и ныне лишенных избирательных прав.

4. Организация труда в артели по монастырским традициям является неправильной и искажает кооперативные принципы.

5. Политико-воспитательная работа среди членов сельхозартели не ведется, так как имеющийся у артели красный уголок существует формально, а библиотекой при нем никто не пользуется.

6. Нет никаких оснований надеяться на устранение всех отмеченных выше недостатков в жизни артели ввиду упорного нежелания членов артели строить свою жизнь на кооперативных началах.

7. При таких условиях следует признать сельхозартель «Женский труд» как использующую коллективную организацию не для ведения хозяйства, а для сохранения бывшего монастыря лжекооперативной организацией.

ЦИК Крыма постановляет: сельхозартель «Женский труд» как лжекооперативную ликвидировать.

Учитывая, что хозяйство ликвидированной общины имеет в своем составе большую площадь

сада, который может быть целесообразно освоен только крупным социалистическим сектором, а также то, что данное хозяйство находится вблизи крупных садов этого сектора и, наконец, учитывая директивы правительства об укреплении и расширении совхозов, - передать означенное хозяйство Крымсельтресту, в целях расширения его экспортных возможностей[34].

Сразу же после принятия этого решения председатель КрымЦИК Кубаев направил подробный запрос крымских властей о закрытии сельхозартели в Москву. Однако ВЦИК РСФСР длительное время не принимал решения по этому вопросу. Перестраховываясь, крымское правительство еще дважды посылает запросы для подтверждения данного решения. И только 17 декабря 1928 года Президиум ВЦИК передал окончательное решение данного вопроса на рассмотрение ЦИК Крыма.

30 января 1929 года Крым ЦИК подтвердил свое решение о ликвидации Топловского монастыря. Это решение вызвало недовольство среди членов артели и приходских священников. В марте 1929 года ГПУ Крыма арестовало священников приходского храма. Они были этапированы в Симферополь.

14 марта инспектором Госфонда по Карасубазарскому району Л.П. Покровским церковь в присутствии члена церковного совета монахини Олимпиады Дыркачевой была опечатана, и составлена опись церковного имущества.

6 апреля 1929 года ВЦИК РСФСР в связи с отсутствием жалоб со стороны верующих и населения Крыма окончательно утвердил решение ЦИК Крыма о ликвидации сельскохозяйственной артели «Женский труд». На территории Топловской сельхозартели в начале 1929 года был создан совхоз «Безбожник».

Таким образом, мы видим, что основной причиной ликвидации этой обители были не экономические, а лишь идеологические причины. Более того, артель монашек вела образцовое хозяйство и в годы расцвета НЭПа достигла достаточно серьезных экономических показателей.

Не менее драматичной была судьба еще одной «монашеской трудовой артели», созданной на базе Косьюдамиановской кинонии.

Сложные проблемы в жизни православной обители начинаются с 1922 года. В городе Симферополе на ул. Нижнегоспитальной было расположено подворье монастыря. На площади в 114 кв. саженей здесь была построена одноэтажная церковь во имя Благовещения Божьей Матери, длиной 9,3, шириной 4 и высотой 2,3 сажени. Помимо этого на территории подворья были построены два жилых двухэтажных дома, крытых черепицей. В одном из них было 8 комнат, в другом – 12. В них проживали три священника, церковный староста, певчие и обслуживающий персонал. На территории подворья был возведен ряд хозяйственных построек.

7 апреля 1922 года группа жителей города обратилась в Симферопольский Окружной исполнительный комитет с просьбой о передаче в их рас-

поражение церкви во имя Благовещения Божьей Матери. Вопрос длительное время не решался. Лишь 10 августа 1922 года НКВД Крыма заключает договор с группой православных верующих договор о передаче помещения церкви в бесплатное пользование.

7 декабря 1922 года комиссией, состоящей из представителей церковного подотдела НКВД и руководителей подворья, была проведена опись имущества, которое было передано на хранение заведующей подворья монахини Е. Полазниковой.

Однако уже 12 декабря 1922 года, в соответствии с постановлением НКВД Крыма, все священнослужители и монахини подворья обязаны были в течение 48 часов переселиться в Косьмодамиановский монастырь. В случае отказа для этого предполагалось использовать конвой. В начале января 1923 года подворье было опечатано.

9 марта 1923 года на заседании комиссии Симферопольского горисполкома было принято постановление следующего содержания: «Здание церкви оставить опечатанным и поручить заведующему церковным столом в кратчайший срок ликвидировать имущество, в виду того, что означенная домовая церковь находится в жилом дворе, поэтому она не может быть сдана для отправления религиозного культа»[35]. В 1923 году в церкви был устроен склад церковного имущества.

В течение 1923 и 1924 годов группы верующих пытались заключить договор с органами власти на аренду помещения церкви Благовещения. Ответ всегда был отрицательным. В октябре 1926 года помещения церкви передали в распоряжение ЖАКТА «Пролетарская коммуна» для переоборудования под жилье. С храма были сняты колокола, а сама колокольня разрушена.

20 апреля 1923 года комиссия в составе игуменьи монастыря К. Акуловой и членов общины Д. Холодовой, А. Гадомской и Н. Мажоровой, по требованию Симферопольского Окружного исполнительного комитета, составила опись движимого и недвижимого имущества. В акте было отмечено, что на территории монастыря расположены две деревянные церкви и небольшая каменная часовня. В перечне движимого церковного имущества было учтено более 300 предметов. Монашки принимают решение о создании на территории бывшего монастыря трудовой артели.

Летом 1923 года заместитель председателя Алуштинского райисполкома направил руководству Симферопольского окрисполкома, которому территориально подчинялся район, пояснительную записку, в которой были обоснованы причины закрытия монастыря. В записке говорилось о том, что «монастырь, находясь в местности равноудаленной от всех населенных пунктов с христианским населением, религиозные потребности которых никогда не обслуживал, а исключительно служил для надобностей монахинь и послушниц. Массовые посещения монастыря имели место только однажды в год – 12-14 июля, причем посещавшие руководствовались не столько религиозными потребностями, сколько традиционными,

МОНАСТЫРИ КРЫМА В 20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА основанными на старой легенде о целительной силе источника во дворе монастыря, хотя случаев исцеления не наблюдалось со дня основания монастыря»[36].

25 августа 1923 года комиссия Симферопольского окрисполкома по ликвидации подворий монастырей и домовых церквей приняла решение о закрытии Косьмодамиановского монастыря и передаче его имущества в ведение Наркомата социального обеспечения Крыма, с целью создания на его территории трудовой колонии для инвалидов. 31 августа решение комиссии было утверждено Президиумом Симферопольского окрисполкома, а 5 октября 1923 года вопрос о ликвидации монастыря окончательно был утвержден на заседании Президиума КрымЦИК.

12 октября 1923 года двери монастырских церквей были опечатаны. Ключи от них были увезены в Алуштинский райисполком. В соответствии с декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви они могли быть переданы в бесплатное пользование группе верующих, насчитывающих не менее 20 человек.

В декабре 1923 года члены трудовой артели обращаются в ЦИК Крыма с просьбой об отмене решения об их выселении. Учитывая сложности наступившей зимы, 3 января 1924 года КрымЦИК принимает решение о возможности временного пребывания монашек и послушниц на территории трудовой артели до 1 апреля 1924 года. На этом же заседании было принято решение о ликвидации трудовой колонии инвалидов им. Калинина и переводе ее на территорию Кизилташского монастыря, где решением КрымЦИК была создана аналогичная трудовая колония инвалидов. Вся движимая и недвижимая собственность передавалась в распоряжение вновь создаваемого Крымского заповедника.

10 апреля 1924 года государством было принято решение о ликвидации церковью бывшего монастыря, так как с октября 1923 года по апрель 1924 года в местные органы власти не поступило заявлений от населения о передаче пустующих церквей в их пользование. Единственными верующими мирянами являлись лесники и служащие Бешуйского лесничества. Однако с их стороны заявлений об открытии храмов не поступало. Церкви передавались для служебных целей Крымскому заповеднику. Каменная часовня над источником переходила в собственность коммунального хозяйства Алуштинского горисполкома.

При закрытии храмов монастыря с них было снято 7 колоколов, общим весом 97 пудов 25 фунтов[37].

Отсутствие контроля со стороны Алуштинского райисполкома по выполнению постановления ЦИК Крыма о ликвидации артели и выселении монашек, а также поддержка артели со стороны руководства заповедника привели к тому, что инвалиды трудовой артели им. Калинина к лету 1924 года были переселены, а артель монашек не только осталась на территории заповедника, но и стала выполнять работы на его территории в качестве вольнонаемной силы. Для ведения собственного

хозяйства руководство заповедника предоставило монашкам и послушницам земли под огороды. Трудовая артель существовала по церковному уставу. Для организации церковной службы была переоборудована просфирня, в которой были сооружены престол и алтарь. В общине продолжалось проведение обрядов рукоположения и пострижения в монахи.

Это обстоятельство было обнаружено проверяющим Наркомата социального обеспечения Крыма, о чем он доложил в Центральное Административное управление (ЦАУ) Крыма.

В августе 1924 года ЦАУ Крыма поручило Алуштинскому исполкому решить вопрос о выселении монашек с территории заповедника до 10 сентября 1924 года. Отсутствие настойчивости со стороны работников исполкома и заинтересованность руководства заповедника в нахождении на его территории организованной и трудолюбивой монашеской артели, выполнявшей разнообразные работы, не позволили ликвидировать ее до весны 1925 года.

В марте 1925 года члены артели вновь обращаются в КрымЦИК с ходатайством о заключении договора и разрешении на их пребывание на территории заповедника. К этому времени здесь проживало более 20 монашек и послушниц. На территории монастыря проживал и иеромонах Романченко, который был вольнонаемным работником в заповеднике.

13 апреля КрымЦИК отказал монашеской артели в их просьбе. Это побудило членов трудовой артели направить ряд писем в вышестоящие инстанции, в том числе в Главнауку Наркомпроса РСФСР, которому подчинялся заповедник. Учитывая лояльное отношение руководства заповедника к религиозной общине, управление Главнауки разрешило монашкам остаться на территории заповедника.

Это решение позволило общине на определенное время снизить уровень давления со стороны руководства Крыма

Однако уже 7 января 1926 года ГПУ Крыма поставило в известность Центральное Административное управление о том, что «монашки этой артели иногда расходятся по районам Крыма и вместе с религиозной пропагандой ведут антисоветскую»[38]. Это обострило ситуацию вокруг общины, члены которой вновь направили ряд писем в вышестоящие инстанции. Завязалась огромная по своим масштабам переписка по поводу их пребывания на территории заповедника. Разобраться с этой ситуацией было поручено прокуратуре Крымской АССР. Проводивший следствие помощник прокурора КрАССР по общему надзору А. Числов в Постановлении от 30 марта 1927 года отметил, что:

1. Артель своей главной целью имеет сельскохозяйственную и трудовую деятельность, а не культовую.

2. Ввиду отдаленности монастыря от населенных пунктов он не посещается верующими и не играет серьезной роли в религиозной пропаганде.

3. Артель обслуживает своим трудом нужды Крымзаповедника, который, находясь в отдалении от населенных пунктов, испытывает затруднения с наймом рабочей силы, поэтому пребывание артели в Крымзаповеднике является полезным.

4. Прокуратура не устанавливает в действиях артели уголовно наказуемых деяний.

Прокуратура постановляет:

- в связи с отсутствием уголовно наказуемых деяний переписку прекратить;

- вопрос о выселении артели с территории заповедника является прерогативой руководства Крымзаповедника.

Однако противостоять огромной государственной машине ни община, ни руководство заповедника не смогли. Это привело к ликвидации монашеской артели и выселению монашек. Идеология одержала победу над здравым смыслом и экономической целесообразностью. Ликвидация трудовой общины создала серьезные трудности для деятельности коллектива заповедника.

В августе 1928 года в Крыму вновь развернулась активная переписка, связанная с бывшей собственностью монастыря. 17 августа 1928 года Алуштинским горисполкомом, в чьем ведении находилось одно из строений бывшего монастыря – часовня, было принято решение о ее ликвидации, с целью продажи строительного материала. За все строительные материалы предполагалось выручить деньги в сумме 154 рубля 53 копейки. Данные работы поручались Алуштинскому комитету взаимопомощи. 11 октября 1928 года предполагалось начать работы по ликвидации постройки часовни.

Это решение вызвало массу протестов со стороны сотрудников заповедника. В Москву и Симферополь был направлен ряд телеграмм, требующих остановить разборку здания. Особую роль в спасении часовни сыграл Нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский, направивший 9 ноября 1929 года руководству Крыма телеграмму следующего содержания: «Разборка бывшей часовни в госзаповеднике Алуштинским комза без разрешения Наркомпроса РСФСР недопустима. Просьба приостановить. Нарком Луначарский»[39].

В этот же день по телефону из Симферополя в Алушту была дана команда о прекращении варварских действий в отношении памятника культуры. Из переписки по этому вопросу видно, что важную роль в спасении здания сыграло руководство заповедника.

В 1927- 1928 годах в одной из бывших церквей был создан музей, второе здание церкви использовалось для экскурсионных целей. Во время землетрясения 1927 года здания не пострадали. Совершенно не пострадало и каменное здание часовни. По мнению руководства заповедника, разборка здания часовни являлась в экономическом плане необоснованной. С одной стороны, разборка здания на строительные материалы не оправдывала расходов по их транспортировке в Алушту, с другой стороны, оно могло быть использовано заповедником для хозяйственных целей.

По одному из проектов, разработанных руководством заповедника, в здании часовни, внутри которого находился мощный родник, можно было установить динамо-машину для выработки электроэнергии. Реализация этого проекта сдерживалась отсутствием средств.

Принимая во внимание эти аргументы, ЦАУ Крыма приняло решение о передаче здания часовни с баланса Алуштинского горсовета на баланс Госзаповедника.

Таким образом, мы можем говорить о том, что ликвидация трудовой общины монастыря не только создала экономические трудности для деятельности Крымского заповедника, но и едва не привело к уничтожению памятника, расположенного на его территории.

В 1925 году был окончательно закрыт Херсонесский Владимирский монастырь, помещения которого передавались в распоряжение музея. В 1926 году органами Советской власти был ликвидирован Балаклавский Георгиевский монастырь, а в 1932 году была закрыта Инкерманская Святоклиментьевская киновия.

Источники и литература:

1. Революция и церковь. - 1920. - №. 9. - С. 71, 104.
2. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. - М.: Республика, 1995. - С. 74.
3. Поместный собор Российской православной церкви 1923 г. (Бюллетени). - М., 1923. - С. 14-23.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Поспеловский Д.В. Указ. соч. - С. 62.
8. Там же. - С. 63.

9. Там же.
10. Там же. - С. 64.
11. Государственный архив города Севастополя (ГААС). - Ф. Р. 420. - Оп.1. - Д. 9. - Л.15.
12. ГААРК. - Ф. Р. 663. - Оп. 10. - Д. 7. - Л. 4.
13. Там же. - Л. 6.
14. Там же. - Л. 65.
15. Катунин Ю.А. Монастыри Крыма в XIX-XX веках (по материалам крымских архивов) - Симферополь: Пирамида-Крым, 2000. - С. 45, 69, 79, 93.
16. ГААРК. - Ф. Р. 663. - Оп. 10. - Д. 9. - Л. 8.
17. Там же. - Л. 10.
18. Там же. - Д. 812. - Л. 132.
19. Там же. - Д. 813. - Л. 48.
20. ГААС. - Ф. Р. 420. - Оп.1. - Д. 369. - Л.81.
21. Там же. - Д. 9. - Л. 5.
22. Катунин Ю.А. Монастыри Крыма в XIX-XX веках (по материалам крымских архивов). - Симферополь: Пирамида-Крым, 2000. - С. 26.
23. ГААС. - Ф. Р. 420. - Оп.1. - Д. 9. - Л.18.
24. Там же. - Л. 35.
25. Там же. - Л. 60-61.
26. Там же. - Л. 164.
27. ГААРК. - Ф. Р. 663. - Оп. 10. - Д. 6. - Л. 5.
28. Там же. - Л. 27.
29. Там же. - Л. 34.
30. Там же. - Л. 41.
31. Там же. - Л. 85.
32. Там же. - Л. 128.
33. Там же. - Л. 131-133.
34. Там же. - Л. 144.
35. Там же. - Д. 10. - Л. 27.
36. Там же. -Д. 889. - Л. 5.
37. Там же. - Л. 4.
38. Там же. - Л. 19.
39. Там же. - Л. 59.